

**Группа SilverCast представляет
фантастический рассказ
по мотивам музыкального альбома «Chaos Engines»**

ИМЯ ХАОСА

ГЛАВА 8

Я пройду дорогой. И я пройду ещё следующей. Но тысячи пройденных дорог не будут стоять той единственной, в начале которой я нахожусь; оттого, что я не ходил ей. И я войду в твой предел.

Подмастерья и мастер находились в это время недалеко от третьего лепестка и горячо обсуждали планы на день. Утро сгладило неприятные моменты вчерашнего вечера, и они были полностью поглощены деталями запуска купола.

Тишина прервала их разговор. Тишина. Двигаясь в ней, словно в вате, мастера-охранники под руководством Первожреца начали заполнять Зал Творения. А потом, с ужасным грохотом големы остановили работу. Здесь, под куполом их оставалось всего около тысячи, и они выполняли, в основном, мелкую подготовку купола к запуску.

Бросившись к ближайшему, подмастерья в четыре руки стали проводить диагностику, но всё было хорошо. Внутри всё выглядело нормально, кроме главного: из механического сердца исчез самоцвет. То же было во втором и в третьем, и на четвёртого они уже не стали тратить время.

Ученик Ювелира свесился с лесов и посмотрел вниз, в Зал Творения. Одного взгляда ему хватило для того, чтобы понять, что происходит, но он всё смотрел, будучи не в силах оторваться. Так, как будто бы от его взгляда всё может измениться, повернуть назад.

- Почему так тихо? – спросил ученик мастера, но в обрушившемся безмолвии этот вопрос был сродни крику.

- Это Храм остановился, - прошептал огранщик и перевёл на него остекленелый взгляд, - мир остановился. Началась Битва.

Юный механоид бессильно опустил руки.

- Но этого не может быть, - выдохнул он, - нет, этого не может быть. – Произнёс он уже громче. – Мы-то живы, а ведь некоторые наши части тоже работают на камнях!

- Эти камни не такие. Мы с ними родились, или их нашли в породе. Они вроде части нас, а камни, которые собрал Ювелир, всегда остаются кем-то наподобие личностей, и на них работают големы и все механизмы Храма. Вот они-то и получили вторую жизнь. Теперь лучшие из мёртвых будут сражаться с теми, кто ещё живой. Пока что живой. Ты же хотел за что-то сражаться вчера! Давай! Иди к ним!

Ученик мастера взглянул на него и смущенно промолчал, не двинувшись с места. Время шло, но плана действий не возникало. Зачем вообще что-то делать, если настали последние времена? Не зная, как быть дальше, они сели рядом, и, ошеломлённые, стали смотреть, как собираются у Зала Творения войска, уже вступавшие в первые стычки с восставшими из камней-сердец големов душами. Это зрелище завораживало и будоражило, но, не умеющие сражаться, подмастерья продолжали оставаться там, где было их место.

- Ну, что расселись?! – они подняли взгляд на нависшего над ними мастера.

- Но что мы можем?

- Давайте, отрывайте задницы и смотрите, остались наши камни в лепестках или нет! Шевелите мозгами! Повиноваться Ювелиру или нет – выбор каждого, и все могут его сделать по-разному, может быть, наши камни ещё на месте. Принимайтесь за работу, ну

же! Этот мир ещё стоит, и, может быть, мы ещё успеем пустить сюда немного солнца! Я так слышал, ребятки, что мёртвые его не переносят.

Я открою тайну. И я открою ещё одну. Но тысячи открытых тайн не будут стоять той единственной, перед которой я стою; оттого, что она ещё не открыта.

Армия Ювелира была, без всяких сомнений, многочисленной, но, всё же, меньше, чем регулярная армия Храма, и куда меньше регулярной армии мира. Причина этого заключалась в том, что лучшие приходили в этот мир куда реже, чем обычные, бездарные в прямом смысле существа. Лучшие плохо поддавались управлению. Лучшие все были сами по себе, а для хорошей армии нужны послушные боевые единицы. Шестерни механизма. Твёрдые и неустрашимые, а армия Ювелира больше напоминала взрыв света, который одновременно направился во все стороны. Если необходимо наладить дело, не стоит брать слишком много лучших, иногда один – и то слишком много. Для хорошей армии нужны простые существа – ценнейший ресурс мира и Храма, которого армия Ювелира была совершенно лишена.

Если необходимо создать то, что работает – самое пристальное внимание нужно уделять обычным существам, на них направить все свои силы, но Ювелир не имел с ними дела никогда. Этим в совершенстве владел Первозрец, и потому именно он имел все преимущества в этом последнем бою. Никакой талант не сравнится с системой, в перспективе вечности у него нет ни шанса; конвейер снова расставит всё на свои места. А на стороне Ювелира была эта малость, эта ненадежнейшая вещь, исключение из правил – мгновение.

Тот редчайший, может быть, единственный за всю историю вселенной случай, когда перо может перевесить камень. Мгновение, которое одно видят перед собой лучшие. Шанс, которым одним они дышат. Высшее из логических – мгновение, когда под влиянием миллиарда обстоятельств, начавших своё действие тысячи лет назад случайностей, совершенных и забытых поколения назад глупостей, ошибок, покрытых снегами многих лет, река поворачивает вспять. Мгновение, когда бумага в открытой схватке побеждает огонь, миг, когда зеркало отражает правду. Вдохновение. Просто проявление логики.

В действительности эта армия могла дать один единственный бой. Но больше и не требовалось. Это будет последний бой Храма, первый бой нового мира. Бой, который будет проведён в едином вздохе вдохновения, в едином порыве отчаянной борьбы за самое важное в этом мире благо, самую эссенцию творчества. Свободу.

Свобода как право заниматься своим даром значила для них больше, чем жизнь. Если говорить откровенно, то Ювелиру казалось, что жизнь для них не обладала самостоятельной ценностью, была просто обстоятельством, что давало им возможность заниматься любимым делом. Поэтому сейчас они поставили её на кон. Жизнь без призвания не просто была лишена смысла, она была худшим из всех возможных наказаний. Гораздо лучше умереть.

Они встречали сопротивление везде, где только можно было его встретить. Ювелир прекрасно понимал, что когда его воины получили вторую жизнь, они впридачу могли получить и вторую смерть. Поэтому он не удивился, когда некоторые, вновь обретая механоидные тела, просто бежали. Но многие остались. Остались потому, что лучшие из лучших, те, у кого был особый дар, не были, строго говоря, механоидами.

И теперь они все стали одной смертоносной машиной, машиной, которая могла сработать только в этот раз, которая зала за залой, прорывалась к Святилищу.

Лучшие из лучших. Кровь этого Храма и плоть этого мира. Душа их душ. Они шли вперёд. Отмеряя шагами, кровью, маслом и топливом остановившийся Храм. Ювелир шёл вперёд.

После того, как двери Святилища были уничтожены, его защитники долго не продержались, и Ювелир вошел в разорённый зал.

Тела Коды не было на алтаре, но её кровь ещё не была с него смыта. Ювелир огляделся в поисках мастерицы, среди мёртвых или живых, но её не было.

- Где же ты? – крикнул в пространство демон. - Ради тебя и таких, как ты, я иду против Первожреца. Я исполнил своё обещание, исполни теперь ты своё! Назови Имя Хаоса!

Но, отразившись от высоких сводов, его крик умолк. На него никто не ответил. Ювелир потянулся к тёмному гранату, которым стала душа Коды после смерти, но не смог нигде в Храме ощутить его присутствие. Видимо, камень упал в бездну.

Ювелир огорчённо вздохнул, и ему стало на мгновение одиноко. Несколько секунд он даже не представлял, как ему поступить, но в следующий момент увидел то, что должно было сразу броситься ему в глаза: статуя Создателя изменилась. И Ювелир понял, что он должен делать.

В полном молчании своего войска, он подошел к алтарю и обогнул Бездну. Он подошел к статуе Сотворителя и положил руку на каменное лицо. Он поднёс руку к мраморной спине, и камень раскрошился, пропуская её внутрь статуи.

- Ты тот, кто поднялся над пылью, - прошептал Ювелир изваянию. - Я заберу тебя домой.

Он вырвал из каменной груди сияющий безумным светом самоцвет, подобного которому никто не видел раньше. Смотрели вверх окаменевшие глаза Сотворителя. Смотрели и плакали кровью.

И, избавившись от своего вечного наказания, Танцующая с Тишиной, стояла в своей темнице без стен. Она опустила руки, и для неё одной заиграла музыка. Это была музыка мощная, как порыв грозового ветра, ясная, как лик истины. Эта музыка была как два невидимых крыла, как суть самого естества, она появилась из ниоткуда, она текла под её кожей. Танцую под неё, танцую сама с собой, она в восходящих пылающих звуках упала на колени, заскользив. Её душа, достигнув пика напряжения, расцвела, раскрылась.

Разгадав свою загадку, Ювелир улыбнулся, но ничем не выдал причину этой улыбки. Момент расцвета прошел и угас, и где-то там Танцующая с Тишиной оказалась первым мастером, который может вспомнить пик своих способностей, разочароваться в себе и угаснуть. Она вышла из сна машин и стояла теперь на дороге боли, неясных устремлений и вероятных ошибок. И там она танцевала, танцевала так, как танцевать до неё никто не мог.

Танцевала, когда Ювелир, на погибель этому Храму, повёл своё войско в Зал Творения.

И я войду в Твой предел. И я войду в святилище. Я одену его золотом, и купол его я ещё одену драгоценными камнями, медью и серебром. Я опутаю его своды филигранью, и в самом сокровенном месте я буду, потому что там будет для меня работа. Но когда Ты укажешь мне тайну, что скрыта от меня, и дорогу, которой я не ходил. Когда я увижу Храм, который я так и не построил, что я буду делать, Сотворитель?

Помещение Зала Творения было огромным. Обычно его реальные размеры представить было довольно сложно из-за большого количества вспомогательных машин, рельсов для перевозки грузов, ремонтных мастерских, которые здесь располагались, а также других приспособлений и временных построек. Однако сейчас место было расчищено, и всё, что могло замедлить продвижение Ювелира, стянуто ближе ко входу. Первожрец рассчитывал перебить их всех ещё до подступа к машинам творения. На строительных лесах, которые были заранее частично разрушены, разместились стрелки.

Когда главные ворота в Зал творения пали, Длань Милосердия раскинула руки в стороны, опустив весь зал в океан жгучей и постыдной боли, густо замешанной на стыде собственной немощи. Армия Ювелира взяла почти все баррикады до конца, убивая каждого, кто встречался у них на пути, прежде, чем боль, которую старуха носила за сердцем, иссякла. Первозрец оглядел свои войска. Стрелков почти не осталось. Воины были дезориентированы и сильно потрёпаны, но быстро приходили в себя, хотя противостояние выплеснулось на относительно открытое пространство.

Зная, куда стремится мятежный демон, Первозрец подошел к самой границе мира. Теперь он стал последним рубежом и последним воином Храма.

Раньше Первозрец, как и все остальные жители Храма и мира, впрочем, всегда полагал Хаос неразумным. Но порой демон стоял тут же, у края мира, и смотрел на трудноразличимые части Хаоса. Тогда ему казалось, что Хаос может быть чем-то вроде механизма, то есть чем-то живым, но не наделённым силой разума в полной мере, как големы или, тем более, механоиды. Просто очень большим, очень беспорядочным, но цельным... так думал он тогда, но теперь понял, как сильно ошибался.

Ему противостоял не набор разрозненного вещества, его противником был Отец всех кошмаров. И сейчас Первозрец видел, как Враг уже после шаха, перед самым матом стремительно разыгрывает свою единственную пешку, забытую у самого начала доски, и стремительно выводит её в ферзи.

Прямо сейчас эта безумная пешка выставляла назад на доску все ранее снятые фигуры, перекрашивая их в свой цвет. Но игра ещё не закончена, и неизвестно, останется ли каждый при своём цвете, когда на эту доску хлынет солнечный свет. В темноте всё серо, на свету всё ясно. Первозрец не смог отказать себе и посмотрел вверх, на три свои собственные пешки, которые там, под самым куполом также стремительно продвигались к противоположной стороне доски.

Первозрец контролировал Ювелира. Да, это была именно битва, но он чувствовал то, как она должна идти, так, как чувствовал всё происходящее в Храме и миру. И он контролировал Ювелира, но, ради всего святого, он, Первозрец, не поддастся на эту уловку. Конструктор думал, что контролирует Ювелира, играя на его мечте о непостроенных Храмах. Кода думала, что контролирует Ювелира, шантажируя его единственной любовью. Все, кто думал, что Ювелир под контролем, мертвы.

Здесь где-то кроется несоответствие – оно и ошибка, и ключ к логической задаче. Одно верно приложенное усилие, одно правильно сказанное слово. Но это должно быть единственно правильное слово. И всё же, единственный изъян логики состоит в том, что она всегда безупречна. И если она против тебя, то все аргументы в свою защиту ты приложишь на свою гибель. Логика-логика. И так много стоит на кону.

Длань тоже здесь. Они вместе против него – и брат, и сестра. И, видимо, так уж угодно Сотворителю. После того, как он убьёт их обоих, он покончит с собой. Победа над Хаосом близко, а значит, пришло время уступать своё место новому поколению, как того требует время. У него на это, несомненно, хватит сил, а все остальные из первых просто слабее него – поэтому и понадобились все эти безумные события. Ужасная судьба, но если это необходимо, то, конечно же, будет так, и пусть пришедший на его место увидит в этом величие.

Однажды решив действовать, команда мастера быстро принялась за дело. Не без труда добравшись вверх, туда, где начинался купол, они с помощью ученика Ювелира выяснили, что ни один из камней их не предал: все они, плохие и хорошие в своей прошлой жизни души механоидов, остались верны своему общему делу. Однако первый лепесток по-прежнему не имел своего камня.

Это должен был быть камень управления. В собранном виде, купол сейчас был полностью готов к работе. Но дать ему команду к старту было невозможно. Во время

испытаний для этих целей использовался опытный дежурный универсальный ключ, но сейчас, на краю мира, этого инструмента у них не имелось. Оригинальный ключ должны были доставить этим утром из мастерской Ювелира, но из-за происходящего теперь нечего было на это надеяться.

Пока соратники производили осмотр, контора сорвалась вниз. Мастер успел заметить крылатую тень, промелькнувшую под потолком. Не то, что бы кто-то пытался остановить запуск купола, и, видимо, контора просто мешала кому-то из противоборствующих сторон, но с ней погибли все чертежи и схемы. Вслед за этим рухнула большая часть лесов, оставив троих инженеров на достаточно узком парапете под самым куполом.

Все трое расположились в технической нише, которая в перспективе должна была служить хранилищем инструментов ремонтных рабочих. Обсудив своё положение, они решили подсчитать вещи, которые находились при них, понимая, тем временем, что уходя на стандартный осмотр готовности участка инженерных работ, ничего особенного никто с собой, естественно, не захватил.

Ученик мастера порылся в заплечной сумке и смог достать кое-какую бумагу и два карандаша, а также измерительную линейку. У мастера при себе всегда был «неприкосновенный» набор самых необходимых инструментов для общего класса работ, кроме того были схемы участка купола, который он проверял в момент начала Битвы. Сейчас они были бесполезны, но обратную сторону можно было использовать как чистую бумагу. Ещё старик всегда носил с собой любимую чайную пару, подсластитель, подкислитель, однако эти вещи теперь скорее мешали. Рядом с чайным набором, хранящимся в отдельном кофре, в сумке пристроился пакет с теми самыми сухими пирожными в разноцветной глазури, которыми мастер накануне пытался скрасить неприятный разговор с учеником. Огранщик сам ещё неуверенно ходил и поэтому ничего при себе не носил.

Итак, их было трое. И для того, чтобы привести в действие величайшую и сложнейшую машину Храма, на всех у них было шесть работающих рук, пять работающих ног, набор расхожих инструментов, пачка бумаги, два карандаша, линейка, чашка, блюдце, ложка и пакет печенья.

- Так, - ученик Ювелира переставил разложенные на полу ниши разноцветные печенюшки, которые теперь представляли собой схему расстановки основных камней в куполе. За время, проведённое в размышлениях и спорах, для них троих это запечённое тесто с яркой сахарной глазурью стало тем же, что и любое другое схематичное изображение самоцветов, - всё равно одного не хватает! – Он вытер опять проступивший пот.

- Ну, вспомни, что говорил тебе Ювелир! Он же твой учитель, ну думай же! – умолял его ученик мастера, опасливо поглядывая на выход из ниши.

- Ладно. Давай ещё раз. Что он говорил мне: схема хороша, но не идеальна, это раз, и мы можем за это зацепиться. Из меня получится хороший хризопраз – это два, и мы не можем за это зацепиться. Идеальная схема доказывает сама себя – это три, и это опять-таки имеет значение. Что он говорил тебе?

- Да я никогда в жизни с ним не говорил. К счастью.

- Мне он говорил, - вмешался мастер, - что душа в первом камне помнит свою возлюбленную – у неё были глаза цвета зелёного турмалина. Он, вероятно, будет хранить её покой, и турмалины можно использовать в качестве блокираторов энергии.

- Турмалины мы можем забрать из моих механических частей, - с готовностью предложил юноша.

- Но почему господин мне этого не сказал? – раздраженно выпалил огранщик. - Ведь если бы я знал, что зелёные турмалины имеют такие свойства в данном случае, не потребовалось бы предварительных испытаний!

Они все резко замолчали и переглянулись.

- Мой прошлый помощник мог стать великим инженером, - спокойно произнёс мастер.

- Сейчас моя жизнь в ваших руках, - вместо извинений произнёс помощник Ювелира, справедливо, по своему мнению, рассудив, что предоставленное право на беспрепятственную месть куда лучше пустого сотрясения воздуха извинениями.

В повисшей тишине, разрываемой отзвуками битвы, мастер запустил руку в бумажный пакет, тронутый жирными пятнами, и, порывшись, достал сухое печенье в фиолетовой глазури. Раскрошив его над настилом, он разложил большие кусочки рядом со всей остальной схемой.

- За турмалины примем вот это.

Они обменялись взглядами, и ученик Ювелира глубоко вздохнул, опустив плечи. Он не ожидал, что этот разговор может состояться, а случись это, поставил бы мастера на место. Так он думал раньше, а сейчас ничего не осталось важнее, чем общее дело и авторитет старика, под присмотром которого безумная затея спасения мира может достигнуть успеха.

- Ну и что? Этого ведь всё равно недостаточно! – Рика вернулся к обсуждению проблемы контроля над куполом.

- Достаточно, - объяснил ему подмастерье Ювелира, – для управляющего камня. Это займёт некоторое время, но присутствие и отсутствие энергии мы можем использовать как язык для общения с остальными камнями.

- Но как?

- Всё просто, - пояснил за него мастер, - всё, что нужно для обмена информацией в этом мире и этом Храме, это понятия правды и лжи.

Рассуждения были прерваны резким криком ученика мастера, который попятился вглубь тесной ниши: от входа на них устрояюще надвигался один из воскресших мастеров. Он был безоружен, но его механические руки были способны расплющить лист железа. Собственно, для этого они и были созданы, хотя использовались им совсем не по назначению. В его безумных глазах легко читалось настоящее наслаждение жестокостью.

Грубоватым движением мастер завёл обоих подмастерьев себе за спину, а сам сделал шаг по направлению к врагу. Мгновение старик изучал его, игнорируя мерзкую ухмылку на безобразном, полном алчного предвкушения лице, а потом единственным точным движением дотронулся до механической руки. Громила взвыл, от боли закатив глаза. Не обращая внимания на оглушающие крики, мастер присел на корточки возле него и как ни в чём не бывало разложил неприкосновенный запас инструментов. Через три минуты работы он, оставив у себя в руках свинченную часть предплечья, не без усилия столкнул всё ещё истошно вопящего механоида из ниши вниз, а затем вернулся к подмастерьям.

Он поглядел на молодых механоидов, которые удивлённо на него таращились, и удовлетворённо крякнул. Три тысячи лет опыта – это определённо преимущество в бою со всем, что является хоть на крохотную часть механическим. Однако мгновение славы прошло, и старый мастер сразу же перешел к делу.

- Ну что же, юноша, скажите, ваша нога плохо работает из-за органического дефекта или механического?

- Органического.

- Покажите.

Ученик Ювелира нехотя показал ещё не заживший до конца результат своей упорной работы над собой. Постаравшись подальше отвести другую ногу, в голенище сапога на которой был на всякий случай припрятан стилет.

- Хорошо, - задумчиво произнёс мастер, а затем обратился к своему ученику. – Раздобудьте нам кипятку.

- Но как? – выпалил юноша, не подумав о том, что спрашивает.

- Не заставляйте, - мастер сделал паузу, исправляя что-то в отобранной у поверженного врага детали, - меня в вас разочаровывать, - закончил он и исподлобья взглянул на юношу, вскинув седые брови. Опомившись, тот взял кофр с чашкой и отправился искать ближайшую трубу с паром или горячей водой. Мастер тем временем обратился к ученику Ювелира. - Органика здесь не срастётся никогда. Я заменю на механику, и ты сможешь взобраться с нами к первому лепестку. Будет болеть, конечно, но весьма и весьма терпимо. Закуси-ка рукав.

- Оно приживаться должно неделю, а то и все полгода, - заспорил тот.

- Как правило – да. Механика очень долго и болезненно приживается. Порой и вовсе не приживается. Но вы не задумывались, почему в свои преклонные годы я постоянно пью чай? Ответ прост – органика и родная механика с искусственной в таком возрасте самостоятельно почти не приживаются без специального раствора, который переносится с кровью. Так что вам тоже придётся на него перейти. Честно сказать – гадость редкая, но если подсластить, вполне сносно. Я вот, к примеру, ещё делаю его кисленьким. Любите кисленькое?

- Всё равно нельзя. Господин запретил! – ученик Ювелира почти взмолился. Это увечье в один момент стало для него каким-то доказательством собственной значимости и уникальности. Собственной жертвенности. В этот момент в его душе поднялось что-то особенное. Он понял, что прямо сейчас ему придётся выбирать между учителем и мастером. Принимать немыслимое ещё утром решение, которое до него никто никогда не принимал. И над ними высился плод его многолетней работы, его единственное детище, а внизу его господин вёл свои войска в непонятной попытке освободить тех, кто не мыслил себя свободными. А между ними, как промеж двух жестоких и бессмысленных столпов его жизни, которые стали в одно мгновение так трагически несовместимы, над его искалеченной ногой склонился мастер, и от старика так непривычно веяло добром.

- Милый мальчик, твой и мой господин давно мёртв, - старик отстранился, продумывая произносимые слова. - Демон, который был нашим наставником, никогда не пошёл бы против Храма. Та тварь, что сейчас там, внизу, не имеет к нему никакого отношения. Так что закуси покрепче рукав и постарайся своими воплями не сообщать всем желающим нас убить, где именно мы находимся. Мы должны живыми добраться до первого лепестка. Мы идём вверх, исполнять его мечту.

Продолжение следует...

*Нелле
Санкт-Петербург, 2012*